

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО: «КАК ЖЕ НЕЛЕПО Я ЖИЛ...»

Однажды в 1936 году к известному психиатру пришел человек с признаками дистрофии и стал жаловаться на беспричинную тоску и потерю аппетита. Врач осмотрел ипохондрика и прописал перед едой... читать юмористические рассказы: «Лучше всего, батенька, возьмите томик Зощенко». «Доктор, — грустно вздохнул пациент, — я и есть Зощенко»...

«Граждане! Осторожно! Трамвай отправляется. Следующая остановка — «Улица Зощенко Росси» — так в 20-х годах постоянно оговаривался один ленинградский кондуктор (на самом деле остановка называлась «Улица зодчего Росси»). А как не оговориться, когда кругом только и разговоров, что о рассказах молодого юмориста. Читатели воображали его балагуром, «своим в доску» парнем, который по-простецки описывает разные случаи, не иначе как из собственной жизни: то в баню пошел, а у него одежду сперли, то повел одну «аристократку» в театр, а она давай дорогущие пирожные в буфете поедать, то на коммунальной кухне соседи передрались. С кем не бывает! Да и язык у Зощенко не какой-нибудь там интеллигентский, неизвестно в каких университетах усвоенный, а самый что ни на есть пролетарский, на котором в любом трамвае разговаривают. Словом, свой человек!

По стране гуляло несколько десятков самозванцев, выдававших себя за Зощенко на манер «детей лейтенанта Шмидта». Один из «Зощенок» был брачным аферистом, и Михаилу вечно приходили разгневанные письма от обманутых провинциальных девиц. Зато в Ленинграде писате-

ля знали в лицо и никогда ни с кем не путали. Ему невозможно было выйти на улицу без того, чтобы кто-нибудь не ткнул пальцем: «Гы-ы-ы! Зощенко!!!» «Вы не первый совершаете эту ошибку. Должно быть, я действительно похож на писателя Зощенко. Но я — Бондаревич», — неубедительно врал виновник ажиотажа и уходил прочь. Его речь была вовсе не похожа на речь пролетария. А походка напоминала чаплинскую: «трудная и грустная походка обиженного жизнью человека» — определял друг Зощенко Чуковский.

Как-то Корней Иванович сказал: «Миша, вы — самый счастливый человек в СССР. У вас молодость, слава, талант и деньги. Все 150 000 000 населения страны должны жадно завидовать вам». Зощенко ответил: «А у меня такая тоска, что я уже третью неделю не прикасаюсь к перу. И никого из людей видеть не могу. У нас условлено с женою: чуть придет человек, она говорит: Миша, не забудь, что ты должен уйти. Я надеваю пальто и ухожу»...

Бывало, что он пропадал из дома надолго. Однажды друзья обнаружили его в мансарде у одного фотографа на Невском. «Вторую неделю не бредется, — таинственным шепотом сообщил фотограф. — Сидит и молчит». Зощен-

ко вообще считал, что веселого в жизни мало. И что его сатирические рассказы скорее грустны. Впрочем, когда он сочинял, сам смеялся так, что соседи возмущенно стучали в стену. Но потом приносил свои сочинения в редакцию и читал, сохраняя на лице самое мрачное выражение. Кажется, во всем Ленинграде не было человека, меньше похожего на автора зощенковских рассказов, чем сам Зощенко...

ОФИЦЕРСКИЕ РОМАНЫ

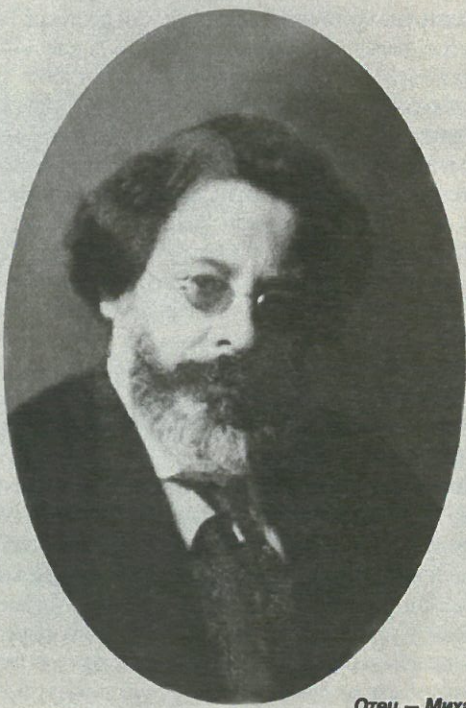
Отчасти его ипохондрия объяснялась физическим нездоровьем. Желторотым юнцом Зощенко отправился добровольцем на германскую войну, заслужил пять орденов, чин штабс-капитана и порок сердца. Он наглотался отравы, пока кричал своим гренадерам: «Газы! Всем надеть маски!», и только потом сам натянул противогаз. Дорога до лазарета была усеяна десятками мертвых людей и сотнями воробьиных тушек. Добравшись, Зощенко выпросил у сестры милосердия спирта и... потерял сознание. Доктор сказал тогда: «С больным сердцем нельзя пить ни капли». — «Но у меня никогда не болело сердце!» — «Теперь будет болеть».

Увидев, каким Миша вернулся с войны, его знакомая — хорошенькая Верочка Кербиц-Кербицкая, тоненькая, жизнерадостная, с каштановыми кудряшками, вечно в чем-то воздушном, вечно при шляпке — завывала, как воют деревенские бабы. Когда-то, еще студентом, Миша писал ей в альбом: «Мы (мужчины) не верим в любовь, но говорим, преступно говорим... иначе нет дороги к женскому телу. Не ищите любви — верьте страсти». Встретившись теперь, они стали по-настоящему близки и в конце концов поженились. Вот что Зощенко написал об этом событии: «На тележке маленький письменный стол, два кресла, ковер и этажерка. Я везу эти вещи на новую квартиру. В моей жизни перемена. Одна женщина, которая меня любила, сказала мне: «Ваша мать умерла. Переезжайте ко мне». Я пошел в загс с этой женщиной. Теперь она моя жена. Я везу вещи на ее квартиру, на Петроградскую сторону».

Когда Зощенко стали много печатать, гонорары полились рекой, и со временем жена значительно изменила меблировку: спальный гарнитур в стиле Людовика XVI, картины в золоченых рамах, фарфоровые пастушки и пастушки, в углу — раскидистая пальма. Сам Зощенко по рассеянности, кажется, и не замечал всех этих изменений. Но

Мише Зощенко два года. 1897 г.

Отец — Михаил
Иванович Зощенко...

...и мать — Елена
Иосифовна Сурина

когда один его друг пришел в гости и воскликнул: «Пальма! Миша, ведь это как в твоих рассказах!» — вид у хозяина сделался самый обескураженный.

Злополучная ли пальма виновата или просто очередной приступ хандры, но только очень скоро Зощенко стал ощущать себя неуютно в собственном доме. От то уходил, то возвращался и тогда устраивал жене сцены: «Какой ты тяжелый человек! Я не могу оставаться здесь, я чувствую, что заболелаю от разговоров с тобой». — «Ты вовсе не обязан приходить». «Я должен иметь обед, я имею право требовать минимальной заботы о моем белье и помощи в переписке!» Потом стал кричать: «Ты старая баба, иди к черту, ты мне надоела!» А «старой бабе» было 29 лет... Впрочем, новорожденного сына — Валерия, Валечку, Вальку — Михаил обожал. Хотя хорошим отцом не был. Однажды, слегка навеселе, склонился над колыбелькой сына, не вынимая из рта тоненькой папироски, и уронил столбик пепла на распашонку — рубец на плече Валерия долгие годы напоминал об этой истории. Впрочем, за 38 лет семейной жизни Вере Владимировне приходилось прощать мужу очень многое. Хватило бы на десяток разводов, но Зощенки предпочитали сохранить свой странный брак. И это при том, что Михаил Михайлович постоянно изменял...

Его романы друзья называли «офицерскими» — за скоротечность и некоторый цинизм. «Глупенькая и пустая, но с необыкновенным темпераментом. Замечательная женщина!» — говорил он об одной дамочке, которая подошла к нему на пляже со словами: «Хочу вам отдаться!» Тем женщинами, которые соответствовали его вкусу (большегрудые и чтоб непременно замужем), Зощенко нащептывал: «В первобытные времена дам хватало за загривок и тащили в кусты». Он охотно бывал у своих любовниц дома, приятельствовал с их мужьями... «Конечно, я немного шлюха», — признавался он одной из своих пассий. Да только вот избавления от тоски вся эта пикантная круговерть почти не приносила. Его жизнь казалась ему самому все пустее, все бессмысленнее. Даже творчество уже не спасало!

К сорока годам приступы тоски сделались совершенно невыносимыми, Зощенко почти совсем не мог ни есть, ни спать — ему мешали то трамваи, то капающий кран... Он страшно похудел и измучился. Вот тогда-то и состоялся тот визит к психиатру. А не получив от медицины вразумительного совета, Михаил осознал: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Под руку как раз попалась книга профессора Фрейда «Теория неврозов». Метод показался Михаилу Михайловичу интересным... Словом, он принялся перетряхивать собственное прошлое.

ЛЕЧЕНИЕ ПО ФРЕЙДУ

Старшая сестра — Елена — шепнула на ухо: «Все женщины сходят с ума от папы, это чересчур расстраивает маму». А мать сказала: «Ваш отец никого не любит. У него закрытое сердце». «А у меня тоже закрытое сердце?» — спросил Миша. — «Да». — «Значит, я тоже не буду никого любить?» — «Да, наверное, и ты будешь таким. Это большое несчастье — никого не любить».

«Ну и пусть я никого не буду любить. Главное — быть талантливым», — решил тогда Миша. Он вырос с ощущением, что неталантливым быть стыдно. В его дворянской семье творчеством занимались все. Отец делал мозаичные панно и писал картины в духе передвижничества, мать сочиняла рассказы для газеты «Копейка». Миша и сам с детства знал, что будет писателем. К тому же был один гастролирующий гипнотизер, большой умелец гадать на картах. Он предсказал: «Миша, ты станешь большим писателем. Правда, кончишь плохо». Но за выпускное сочинение в гимназии — написанное самым изысканным языком, с пышными эпитетами и цветистыми оборотами, — Миша получил единицу, да еще с припиской «полная чушь». Вот и проглотил с отчаяния кристалл сулемы. Слава богу, откачали! Но о писательстве он решил больше не мечтать.

Кем только он не успел побывать! После Февральской революции угодил на должность коменданта почты и телеграфа в Петрограде. Потом служил секретарем полкового суда в Архангельске. Потом — после Октябрьской революции — снова оказался в Петрограде, на низеньком табурете в подвале напротив Академии художеств, с чьим-то потрепанным сапогом на коленях, подметкой и рашпилем в руках. Как ни странно, работа сапожника ему нравилась. А какие дивные словечки и выражения ему приходилось слышать, работая в мастерской! Потом — снова война, Гражданская. Миша в Красной армии, его брат Владимир — в Белой... Потом по болезни сердца Зощенко комиссовали, и он переменял еще с десяток профессий: от инструктора по кролиководству и куроводству до сыскаря в уголовном розыске. Ему, дворянскому юноше, довелось окунуться в самую гущу простонародной жизни, временами забавной, а временами дикой и уродливой. Но от судьбы не уйдешь! В 1919 году он пришел учиться в литературную студию. Это было славное время! Начинающие литераторы разводили кипятком бурый порошок, носивший гордое название «кофе», и топили камин скукоженными эсеровскими листовками. Говорят, листовки были выловлены из воды — в дом, оставленный после революции хозяином,

В 1916 г. Миша отправился добровольцем на германскую войну

сначала вселились эсеры, а потом беспризорники, открывшие все краны и устроившие потоп...

В студию приходили самые разные люди: и энергичные футуристы, и высокомерные формалисты. Приходил даже один бездомный старичок, чтобы просто поспать в тепле. Однажды Зошенко посмотрел на спящего и сказал: «Вполне прелестный старичок!» Как же все смеялись! Потом он подарил студийцам еще много выражений, сделавшихся крылатыми: «довольно свинство с вашей стороны», «блекота и слабое развитие техники», «подпоручик ничего себе, но — сволочь». Так формировался его литературный стиль, не имевший ничего общего с бльвыми гимназическими опытами. В студии Зошенко уважали: во-первых, за талант, а во-вторых, за отвагу. Просто однажды ему, безоружному и щуплomu, пришлось утихомиривать бугая военного, по пьяной лавочке рубившего шашкой воздух во дворе студии. Все восхищались его мужеством, а он все вспоминал, как когда-то в юности считал себя трусом...

Они с соседской барышней Ксенией гуляли, взявшись за руки. Пошел ливень, вокруг пузырилась вода, бежали ручьи, больше похожие на реки... Обычное дело в августе, но Миша ощутил смертельный ужас. Мало что соображая, он припустил к какой-то беседке. Ксения сказала потом: «Убежать первым! Бросить женщину! Все кончено между нами!» Что он мог сделать? Не рассказывать же Ксении о мучительном сне, который снился ему с детства: он бежит, спасаясь от бурных потоков невест откуда бегущей воды, и вдруг из-за угла — рука с ножом. Он знает эту покрытую струпами руку — нищий, который вечно торчит на паперти церкви по соседству с их домом.

Стоп! Хватит блуждать в воспоминаниях! Все дело в этом сне! И чтобы избавиться от ипохондрии, нужно просто разгадать его значение! Так, кажется, учил доктор

Фрейд? Вот только Зошенко не был уверен, что в каждом элементе сна стоит искать сексуальный подтекст. Возможно, страх перед водой остался после того, как он, шестилетний мальчишка, в размытой паводком придорожной яме увидел утопленника. Нищий, конечно, означает страх перед нищетой, который вечно витал над их семьей. Нож тоже вполне объясним: заболевшему Мише однажды сделали спешную операцию без хлороформа. И сам вид скальпеля, рассекавшего его плоть, был страшнее боли.

Что же означает рука? Мать рассказывала, что очень долго кормила его грудью, а когда в два года и два месяца он начал лепетать стишки, решила, что это уже неприлично, и стала отводить его тянущиеся ладошки своей решительной рукой, приговаривая: «Нельзя, нельзя, это нехорошо». Рука матери, лишавшая его еды... Все сходится! Он потому и дошел до дистрофии: двухлетним крохой он узнал, что есть — плохо.

Конечно, дело не в том, что у него было какое-то особенно несчастное детство. У каждого малыша случаются потрясения и печали. Видно, всему виной его дар обостренного восприятия — тот дар, который в конце концов и сделал его писателем... Как бы то ни было, Михаилу Михайловичу удалось невозможное: выявив несколько «раздражителей» собственной психики и раскрыв их символический смысл, он действительно почувствовал, что выздоравливает! Правда, один психиатр, с которым Зошенко поделился опытом самолечения, ужаснулся: заниматься психоанализом самого себя — весьма опасное занятие! Но факт остается фактом: с тех пор никаких приступов тоски, зверский аппетит и прекрасный сон! «Каждое утро я просыпаюсь теперь счастливым, — гордился Зошенко. — Каждый день для меня праздник, день рождения. Никогда я не испытывал таких приливов безграничного счастья».

КАТАСТРОФА

Увы! Обновленный, счастливый, здоровый Зошенко заразился традиционной для русского писателя «болезнью»: по примеру Гоголя и Льва Толстого ему захотелось проповедовать истину. Он был уверен: достоверно описав

Вера Кербиц-Кербицкая, после замужества — Зошенко. 1926 г.

«Миша, вы — самый счастливый человек в СССР. У вас молодость, слава, талант и деньги», — говорил про него Чуковский в 20-х годах...

свой путь к избавлению от несчастий, он принесет гораздо больше пользы своему народу, чем сочинительством веселых рассказов. И задумал автобиографический роман под названием «Перед восходом солнца». Он считал эту книгу главным делом своей жизни...

Началась война. На фронт Михаила Михайловича не взяли — ему было уже 47 лет, к тому же больное сердце... Он остался в Ленинграде. «Немецкие бомбы дважды падали вблизи моих материалов, — вспоминал Зошенко. — Уже пламя огня лизало их. И я поражаюсь, как случилось, что они сохранились». Он безумно боялся за свою книгу. И боялся погибнуть, так и не дописав ее.

Вскоре ему предложили эвакуацию в Алма-Ату. Ленинградскому Союзу писателей предоставляли по шесть мест в самолете в месяц — персональные списки эвакуируемых утверждались Военным советом. Семью пришлось оставить в Ленинграде. Тем более что Валерий в рядах ополченцев защищал подступы к городу, а Вера Владимировна ни за что не хотела покидать сына. Через немецкий фронт вместе с Зошенко летели двадцать тетрадей рукописей с оторванными ради уменьшения веса коленткорковыми переплетами.

В 1943 году в журнале «Октябрь» вышли первые главы романа, и разразилась катастрофа. Журнал «Большевик» писал: «Тряпичником бродит Зошенко по человеческим помойкам, выискивая что похуже. В Советской стране не много найдется людей, которые в дни борьбы за честь и независимость нашей Родины нашли бы время заниматься «психологическим ковыряньем». Рабочим и крестьянам никогда не были свойственны такие «недуги», в которых потонул Зошенко. Как мог он написать эту галиматью, нужную лишь врагам нашей родины?» Психологический анализ в Стране Советов не приветствовался...

Дальше — больше. В августе 1946 года в знаменитом постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленин-

град» Зошенко был заклеен как пропагандист «гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь» и вскоре был изгнан из Союза писателей, а также из всех журналов, с которыми сотрудничал. Ни на одну работу — даже сапожником — его не брали. Призрак нищеты снова встал перед ним во всем своем безобразии, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не всенародная любовь. По утрам Михаил Михайлович открывал свой почтовый ящик и находил там конверты с деньгами от совершенно неизвестных людей. С людьми известными все обстояло сложнее: «Прости, Миша, у меня семья, дети», — шепотом винулся бывший друг, перед тем как публично оскорбить его на очередном собрании. Зошенко впал в прежнюю хандру и снова почти перестал есть. К нему вернулся сон о нищем с ножом в руке, вернулась и болезнь... А впереди были долгие годы никчемной жизни — день за днем, прожитые в ощущении, что ты — ходячая опасность для близких, что писать незачем, что надежды нет...

Когда страсти немного улеглись и литературный круг снова приоткрылся для Зошенко, было поздно. После долгого затворничества Михаил Михайлович показался на публике весной 1958 года, на праздновании 90-летия Горького. «Ни одной прежней черты! — ужаснулись друзья. — Слово труп, заколоченный в гроб. Даже странно, что говорит!» Впрочем, говорил он нудно и путано, словно слабоумный. «Зошенко седенький, с жидкими волосами, виски вдавлены внутрь, и этот полупустой взгляд. Задушенный, убитый талант» — записал Чуковский. На прощанье Михаил Михайлович сказал: «Литература — производство опасное, равное по вредности лишь изготовлению свинцовых белил». Через три месяца его не стало...

Он умер совсем не так, как полагается великому писателю. Просто ему сначала сообщили о назначении персональной пенсии, а потом прислали бумагу из

«Зощенко седенький, с жидкими волосами, виски вдавлены внутрь, и этот полупустой взгляд. Задушенный, убитый талант» — писал тот же Чуковский в 1958 году

сберкассы с требованием предъявить справку о заработке за последний месяц. И Зощенко испугался, как бы пенсию не отобрали: как раз накануне впервые за много лет он получил случайный гонорар. Напрасно знакомый адвокат успокаивал его — Зощенко ничему уже не верил. Его мысли путались — к примеру, вместо снотворного люминала он просил теперь линолеум... Жена просила домашних не поправлять его и делать вид, что все в порядке. Впрочем, 21 июля к больному вернулась осмысленная речь. И он сказал следующее: «Как странно, Верочка, как странно... Как же нелепо я жил...» И сел, положив голову ей на плечо, тесно прижавшись, как очень давно с ней не сидел... Той же ночью его не стало.

ПОХОРОНЫ В СТИЛЕ ЗОЩЕНКО

Еще в 20-х годах, когда слава Зощенко была в зените и любовь к нему — всенародна, находились люди, которые считали: ради пустой развлекательности писатель забывает о правдоподобии. Один из таких недоброжелате-

лей, преуспевающий критик, однажды увязался за ним по дороге из «Госиздата»: «Товарищ, где вы видели такой омерзительный быт? Теперь, когда моральный уровень...» Он не договорил, потому что прямо посреди Литейного проспекта к их ногам упала обезглавленная тощая курица. И тотчас из форточки четвертого этажа ближайшего дома высунулся человек с безумными от ужаса глазами: «Не трожьте мою курицу! Моя!»

Сердобольный Зощенко остановился, чтобы посторожить пропажу. Наконец, человек выскочил из подворотни, поднял курицу и, не поблагодарив, помчался к трамваю. И тут на писателя налетел другой человек оказавшийся истинным владельцем курицы: он обвинил в похищении Михаила Михайловича. Едва отбившись, Зощенко обратился к критику: «Теперь, я думаю, вы сами увидели»...

Впрочем, такой уж он был человек: притягивал абсурд, как магнит железо. Чего стоит хотя бы женщина-электрик, обвинившая Михаила Михайловича в том, что он подделал заявку на замену электрических пробок: «Вы не може-

те быть Михаилом Зощенко. Михаил Зощенко — писатель, и он умер. Вы, наверное, предок писателя Зощенко?» Каждый день почтальон приносил ему по мешку писем, одно другого нелепее. Например, один гражданин из провинции предлагал себя в сотрудники: «Я буду писать, а вы сбывайте, деньги пополам».

И даже смерть не лишила Михаила Михайловича его сомнительной способности — абсурд продолжался. На панихиде один высокопоставленный товарищ сказал: «Зощенко был патриотом, другой на его месте изменил бы Родине, а он — не изменил». Кто-то из толпы выкрикнул: «Что же получается: предательство — норма?» «Товарищи! У гроба не положено разводить, так сказать, дискуссии, — сказал следующий выступающий. — Но я, так сказать, не могу, так сказать, не ответить». Перекрывая все эти «так сказать» и «разрешите мне два слова» — истошный вопль вдовы: «Зачитайте же телеграммы!» Шум, гам, всеобщее смятение. Стиль был выдержан до конца...

Ирина ЛЫКОВА